

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

Студенттер мен жас ғалымдардың
«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2014» атты
IX халықаралық ғылыми конференциясы

IX Международная научная конференция
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2014»

The IX International Scientific Conference for
students and young scholars
«SCIENCE AND EDUCATION-2014»

2014 жыл 11 сәуір
11 апреля 2014 года
April 11, 2014

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2014»
атты IX Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
IX Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2014»**

**PROCEEDINGS
of the IX International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2014»**

2014 жыл 11 сәуір

Астана

УДК 001(063)
ББК 72
Ғ 96

Ғ 96

«Ғылым және білім – 2014» атты студенттер мен жас ғалымдардың IX Халықаралық ғылыми конференциясы = IX Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2014» = The IX International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2014». – Астана: <http://www.eni.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/>, 2014. – 5831 стр. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-610-4

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001(063)
ББК 72

ISBN 978-9965-31-610-4

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, 2014

2. Frederick Crane. *A History of the Trump in Pictures: Europe and America*. Mount Pleasant, Iowa: 2003.
3. Michael Wright «The Search for the Origins of the Jew's Harp», The SilkRoad Foundation Newsletter, 2005

УДК 904

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕНАХ КАЗАХСТАНА IX-XI вв.

Нургалиев Али Берикович

ali_wka@mail.ru

Магистрант 2-го курса, специальности «Археология и этнология» ЕНУ им. Гумилева,
Астана, Казахстан

Научный руководитель – к.и.н., доцент М.К. Хабдулина

Древнейшие очаги тюркского этногенеза неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента – Центральной Азией и Южной Сибирью – от Алтая на западе до Хингана на востоке. Этот огромный регион не был изолирован от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Трассы миграционных процессов, то усиливались, то затихая, пронизывали великую степь. Отличительной чертой этногенетических процессов Евразийской степи был дислокальный, т.е. не связанный с одной территорией, характер, определяемый высокой степенью подвижности населявших ее племен. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и средневековья была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок [1].

Первым тюркским фольклорным памятником, зафиксированным письменно в VI в. и отразившим ранний этап тюркского этногенеза, являются генеалогические легенды о происхождении племени ашина и его превращении в господствующую группу внутри возникшего тогда племенного союза. Генеалогические легенды тюрков, трактуемые обычно весьма узко, позволяют, тем не менее, кроме собственно тюркской генеалогии, обнаружить истоки еще трех племенных традиций, связанных с начальными этапами уйгур, кипчаков и *теле* (огузов) [2].

Наиболее крупным объединением племен, говоривших на языках, впоследствии названных тюркским, был огузский племенной союз, носивший в китайских источниках название *теле*. Название *теле* принадлежит к числу древних этнонимов кочевников Восточной части Азии. Наличие его удостоверено китайскими летописями суйской (581-618) и танской (618 -907) династий [3].

Уже в IV –V вв. многочисленные племена, входившие в это объединение, появились в западной части евразийских степей. В упомянутых источниках термин *теле* относится к большой группе племен, кочевавших в северной части пустыни Гоби, на обширных пространствах между большим Хинганом на востоке Тянь-Шанем на западе. В зону кочевий *теле* входила территория Монголии и Тувы, Русского и Монгольского Алтая [2].

Поскольку вся отечественная и зарубежная историография о тюркских народах, расселявшихся в 9-11 веках на территории Казахстана, за редким исключением чисто археологических исследований и публикаций, построена на анализе и толковании сведений средневековых авторов, и рунических памятников, мы считаем необходимым начать свое исследование с суммарного изложения этих сведений.

Самыми ранними источниками по истории тюрков являются древнетюркские рунические памятники первой половины VIII века, надписи в честь Культегина, Могиляна, Тоньюкука. В них содержится информация о территории расселения огузов в VIII веке, политических событиях их истории в эпоху Второго Восточно-тюркского каганата.

Так, из надписи в честь Культегина мы узнаем, что его отец Кутлук несколько раз ходил походами на «народ тогуз-огузов» под начальством Баз - кагана, и покорил их, это происходит в конце VII века во время его правления [4, с. 38]. Однако, нет никаких сведений о ранней территории расселения огузов, известно только лишь, что они жили к северу от тюрок. Нам известно что Второй Тюркский каганат находился на территории современной Монголии и, исходя из того, что огузы жили севернее, - это должно быть район Хубсугульского и Селенгинского аймаков (Монголия). Вероятно эта территория и была местом локализации огузских племен.

Более точные сведения о расселении огузов в VII-VIII вв. содержатся в надписи в честь Тоньюкука. Так мы узнаем, что Хан Могилян (ум. в 735 г.) сражался с огузами близ реки Тоглы, которая является правым притоком р. Орхон и победил их, преследуя отступающего противника до р. Селенги. Занявший его пост хан Моюн – Чур, очевидно властвовал над народом «девяти огузов», жившим у р. Орхон, и в 747 г. побежденные огузы вновь восстали и произошло сражение на берегу той же Селенги [4, с. 42, 46].

Таким образом, из древнетюркских рунических памятников мы узнаем, о том что в VIII веке Северная Монголия и часть Западной Монголии были местом первоначального расселения огузских племен.

В IX-XI вв. особенно больших успехов достигла арабоязычная географическая литература. Необходимость обеспечения внешней безопасности, экспансионистские и миссионерские устремления стимулировали накопление информации о соседних народах. Значительный интерес начинает проявляться и к тюркоязычным племенам Средней Азии, которые служили одним из форпостов ислама, и в IX веке в поле зрения арабоязычных историков и географов попадают и тюркские кочевники.

В арабоязычных исторических произведениях наиболее ранние сведения о племенах огузах приведены в труде Ибн- Джабира ал – Балазури. Исторический труд ал-Балазури «Китаб футух ал-булдан» сохранился до наших дней лишь в сокращенной редакции. Автор отличался стремлением к последовательному изложению событий и критическому подходу избранного материала [5, с. 9]

Среди географических сочинений X в., написанных на арабском языке, следует особо выделить живой рассказ путешественников. Произведения этого рода, относящиеся к жанру описательной географии, являются ценными историческими первоисточниками. Одним из таких источников является «Книга» Ахмед ибн – Фадлана. В 921 – 922 гг. он принял участие в посольстве халифа ал-Муктадира в волжскую Булгарию [6].

После возвращения посольства в Багдат, халифу был представлен отчет Ибн Фадланам. В записке описан маршрут путешествия через Иран, Хоросан, Мавераннахр и Хорезм в Камскую Булгарию. Посольства направляясь из Хорезма в страну Булгар, проехало по кочевьям огузов в нынешнем Западном Казахстане. Ибн Фадлан в своей «Книге» дает отличающееся большой меткостью наблюдений подробное описание быта огузов. В его отчете содержатся также замечательные данные о социальных отношениях, политическом строе и хозяйстве кочевых огузов [6, с. 21].

Арабские авторы второй половины IX в. называют огуз среди других кочевых тюркских племен Евразии: кимаков, карлуков, киргизов, печенегов, кыпчак., правда, без обозначения конкретных границ и расселений. Но зато два других автора : аль- Балазури (ум. в 892 г.) и ат – Табари (ум. в 923 г.) в своих трудах повествуют о том, что в 820 – 821 гг. тогуз-огузы совершили набег на Усрушану, это район современных Ташкента, Ферганы и Самарканда [7]. Это свидетельствует о том, что к началу IX в. локализация этих племен на территории евразийских степей существенным образом изменилась.

Сведения об огузах содержатся в сочинении Ибн Вадиha ал-Йакуби. Рассказывая о тюркоязычных племенах и народах, он пишет: «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и несколько государств, в том числе: карлуки, тогуз-гузы, тюргеши, кимаки и гузы. Каждый народ тюрок имеет отдельное государство, и одни из них воюют с другими».

Свидетельство Йакуби интересно не только упоминанием о государстве огузов, но и указанием на их войны с соседними тюркскими народами [5, с. 38].

Расселяясь вниз по Сырдарье в сторону Аральского моря, огузы были не единственными кто обживал земли «вокруг моря Джурджан» (Аральского), что вылилось в серию войн между печенегами и огузами, карлуками и кимаками, о которых мы узнаем из сочинения аль – Масуди, и хотя подробности этих войн в письменных источниках не освещены, результатом их явилось вытеснение печенегов из бассейна Сырдарьи и Приуралья [6, с. 11].

Таким образом, огузские племена не составляли основную массу населения. Наиболее компактно они жили в Приаралье, Северном Прикаспии, Северном Прибалхашье, Сырдарьи и в предгорьях Сырдарьинского Алатау. Отдельные группы огузов обитали в Семиречье, так же некоторая группа кочевала в долине рек Чу и в Таласском Алатау

С VI века, со времени создания Тюркского каганата, территорию от Китайской стены до Черного моря населяли тюркоязычные племена, которые в разные периоды возглавляли формирующиеся степные государства. В эпоху средневековья особую известность приобрела центральная часть Великой степи, с XI века известная у историков как Кыпчакская степь или под персидским названием Дешт-и-Кыпчак [8, с. 62]

В начале II тыс. н.э. стала появляться информация о них в трудах средневековых летописцев, путешественников, историков, географов и лингвистов, т.е. грамотных представителей тех народов, которые владели письменностью и вступали в непосредственные контакты с ними .

Незатухающий на протяжении большого отрезка времени интерес к кочевому народу является свидетельством исторической значимости кыпчаков начала II тыс. н.э. Кыпчаки, и это подтверждается источниками, были зафиксированы и раньше. Они нашли отражение в письменной традиции большинства соседних с ними народов. При этом в источниках не ставилась задача дать информацию о кыпчаках. упоминались они лишь при конфликтных ситуациях (войнах, взаимных набегах и столкновениях), упоминании определенных географических пунктов или районов, описании различных маршрутов. Часто и эти известия были весьма фрагментарны, относились к различным историческим периодам и к разным районам их обитания [9]

Первые кыпчаки были зафиксированы на современной территории Казахстана, согласно источникам, в VII веке, но тогда они еще не играли той заметной роли в этнополитической истории Евразийских степях, какую обрели в нач. II тыс. н.э. По степени значимости и важности данных на первый план выступают известия арабо и персоязычных путешественников, географов и историков IX-XI вв., а для XII-XIII вв. – исторические труды современников тех эпох – Ибн ал-Асира, Мухаммеда ан-Несави, ал-Джуджани, Джувеини, Рашид ад-дина. Весьма полную и насыщенную сводку по обзору арабо-персоязычных источников по кыпчакской проблеме дал Б.Е. Кумеков. Важная особенность восточных источников состоит в том, что социальные явления, политическая жизнь тюркских племен никогда не являлись для их авторов предметом анализа. Несмотря на эти недостатки, арабо-персоязычная историко-географическая литература остается для нас едва ли не важнейшим источником по информации о кимако-кыпчакских племенах Казахстана (Кумеков, 1987, с.56).

Одно из первых упоминаний о кимаках и кыпчаках мы находим в труде Ибн Хордадбега, начальника почты и государственного осведомления одной из провинций арабского халифата. В его труде «Китаб ал масалик вал-малик» встречаются краткие известия о племенах, проживавших на территории Средней и Центральной части Азии часть из которых относятся к VIII в. Именно к этому веку, вероятно, относится тот перечень народов, в котором упоминаются кимаки и кыпчаки как независимые друг от друга коллективы. Впервые в арабо-персоязычной литературе появляется этноним «кыпчак» (Ахинжанов, 1995, с.14).

Скудность известий о кыпчаках в VIII- X вв в арабских и персидских источниках является своеобразным индикатором их действительного положения в этнополитической иерархии, сложившиеся к концу I тыс. н.э. в степях Казахстана. О том, что кыпчаки действительно в IX-X вв. являлись составной частью крупного этнополитического коллектива под главенством кимаков свидетельствуют персоязычные источники. В сочинении Бейхаки «Тарих- и Масуди» о кыпчаках говорится только в двух местах, но эти упоминания важны, так как именно здесь мы встречаемся с первым достоверными сведениями о появлении в начале XI века кыпчаков на границе со среднеазиатскими мусульманскими владениями (Агаджанов, 1969, с. 154).

С начала II тыс. н.э. кыпчаки начинают регулярно упоминаться в письменной традиции как самостоятельная народность, отдельная от кимаков. Однако эти данные еще остаются разрозненными, неконкретными и не посвящены специально истории кыпчаков. Данные о них, приводятся в связи с событиями в соседних с ними государствах или во время походов и столкновений. Особенно важное значение здесь имеет лингвистический труд Махмуда Кашгарского «Диван луга тат-тюрк», в котором имеются сведения о кыпчаках. Труд был составлен в 1074 году. Для этнографической привязки кыпчакских племен к середине XI века, т.е. периода их возвышения в Казахстанских степях, для изучения их языка, обычаев, хозяйственного уклада, труд М. Кашкарского является едва ли не важнейшим источником. Ценность его значительна еще и потому, что этот средневековый филолог и путешественник будучи уроженцем Средней Азии, много странствовал по территории, населенной тюрками, и отразил в своем труде то, что видел непосредственно сам. На его карте кыпчаки отмечены в нескольких местах, это говорит о том, что «Свод тюркской лексики» М. Кашгарского является на сегодняшний день одним из самых надежных и подробных истоников по истории, этнографии, географии и языку кыпчакских племен XI века [10, с. 154].

Переходя к непосредственному изучению источников начала II тыс. н.э. следует отметить, что в распоряжении исследователей нет ни одного оригинального исторического произведения, которое было создано на территории Дешт-и-Кыпчака и посвящено непосредственно событиям конца XI века, происходившим в степях Казахстана. Единственное, что мы имеем, как в трудах арабо-персоязычных историков и географов предшествующих веков, - отрывочные сведения и краткие упоминания об отдельных лицах кыпчакского происхождения, попавших в поле зрения тогдашних хронистов, или описание военных столкновений с правителями Хорезма. Постепенно освобождаясь из-под власти кимаков, кыпчаки распространили свои владения на юго – запад, занимая помимо степей Центрального Казахстана и районы к северу от Аральского моря.

В то время как на Алтае на раннем этапе вокруг кыпчаков началось формирование нового племенного союза, на востоке казахстанских степей, в Прииртышье, сложилось сообщество тюркских племен, которых мусульманские источники именовали кимаками, а тюркский филолог XI в. Махмуд Кашгарский называл йемеками. То немногое, что известно о кимаках, сообщают арабские и персидские источники, изученные видным казахстанским историком – востоковедом Б.Е. Кумековым [10].

Единственная генеалогическая легенда о происхождении кимаков, а точнее – о начале формирования их племенного союза, сохранена Гардизи (XI в.), который использовал источники VIII-IX вв., т.е. того же времени, что и список тюркских племен Ибн Хордадбега (Кляшторный, Савинов, 1992, с.128). Легенда связывает возникновение кимакского союза с племенами татар, что послужило поводом для поиска предков кимаков среди монголоязычных племен Центральной Азии.

Представление о древних татарах как о едином монголоязычном народе, жившем в VIII – XIII вв. на востоке Монголии, далеко не точны. Орхонские надписи пишут сначала об *отуз татар* «тридцати татарских племенах», а затем о *токуз татарах* «девяти татарах», т.е. о громадных и неустойчивых племенных сообществах [9, с. 128].

На юго-востоке Туркестана в IX – XIII вв. существовала большая и политически организованная группа татарских племен, имевшая своего государя и поддерживающая дипломатические связи с Китаем. «Худуд ал-алем», анонимная персидская география X в., связывает их с тогуз-огузами, а Восточный Туркестан, не без некоторого преувеличения называют « страной тогузгузов и татар» [9]. Поэтому, начальный этап формирования кимакской общности не следует обязательно связывать с монголоязычными племенами, а появление в Прииртышье татар в VIII-IX вв. вовсе не было свидетельством происходившей тогда их миграции из Восточной Монголии. Генеалогическая легенда кимаков и добавление к ней, заимствованные Гардизи и других источников, показывает лишь тот круг тюркских племен, из которых сформировался кимакский племенной союз. Этот процесс завершился не ранее середины IX в., когда после падения Уйгурского каганата в центре кимакских земель на Иртыше появились осколки бежавших сюда после разгрома тогуз-огузских племен. Но важнейшим событием для кимакского объединения стало вхождение в него кыпчаков, что произошло, вероятно не ранее конца VIII – начала IX вв [1].

Собранные свидетельства средневековых письменных источников о тюркских кочевниках дают возможность составить объективное представление об информационном корпусе данных. Поскольку именно на их основе построены все известные на сегодняшний день реконструкции этнической и этнополитической истории рассматриваемых этносов.

Список использованных источников

1. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967
2. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата. 1992.-347 с.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т1-2. – М., – Л., 1950. – 793 с.
4. Малов С.Е. Памятники дренетюркской письменности. – М., – Л., 195.- 93 с
5. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XII вв. - Ашхабат, 1969.- 297 с.
6. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. – Уфа: Гилем, 2001. – 212 с.
7. Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. – М., 1988. – 186 с.
8. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы, 1995. – 296 с.
9. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. –346 с.
10. Кумеков Б.Е. Государство кимаков в IX –XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972 . –158 с.

КАЗАХСТАН КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Савченко Анатолий Сергеевич

Колледж Управления, г. Астана, Казахстан

Научный руководитель: А.Е. Изатова

Актуальность темы исследования. Объективное, всестороннее исследование истории депортации в Казахстан народов в годы массовых политических репрессий, как непосредственно самого процесса, а также последствий этого крупномасштабного трагического события, является одной из важнейших задач современной исторической науки.